

О П Е Р А Т О Р

Борисова Анастасия

Анастасия Борисова

Оператор

«Автор»

2026

Борисова А.

Оператор / А. Борисова — «Автор», 2026

Глеб работает оператором аварийной диспетчерской лифтов. Четыре года он говорит чужим людям: «Выдыхайте, я рядом». А сам не выдыхает. Не потому, что не умеет. Потому что некому сказать ему эти слова. Однажды ночью ему звонит незнакомый старик: «Я звоню, чтобы спасти тебя, Глеб». Так начинается путь человека, который привык спасать других, но разучился жить сам. Путь от выгорания к принятию, от одиночества к дому, от молчания к первому шагу. Исцеляющая повесть о том, что помощь просить — не слабость. Это первый шаг.

© Борисова А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Борисова

Оператор

Повесть «Оператор»

Глава 1. Оператор

Глеб давно перестал замечать, какой сейчас час. Солнце бьет в окно, выбеливая пыльные шторы, или луна светит сквозь щель, какая разница. Он включает компьютер, надевает наушники, и мир сужается до размеров двух мониторов и кресла, которое скрипит при каждом движении. И так уже четыре года. Четыре года, как он уволился с той работы, где был инженером, где у него был кабинет, где к нему обращались по имени-отчеству, а теперь он простой оператор аварийной диспетчерской лифтов. Принимает вызовы от застрявших. Направляет ремонтников. Говорит «выдыхайте, я рядом» людям, которые в панике колотят в двери, а потом приходит ремонтник, открывает, и все начинается заново.

Уволился он потому, что начальник был мудаком, зарплату задерживали, а проект, над которым Глеб работал два года, отдали другому. Просто так, взяли и отдали. Глеб написал заявление, хлопнул дверью, красиво, как в кино, и думал, что найдет что-то лучше за месяц. Нашел через пять. Деньги кончились на втором. Пришлось брать то, что дают. Диспетчерская лифтовой компании «Вверх» давала зарплату чуть выше прожиточного минимума и ночные смены, но Глеб выбил себе дневные, потому что ночью становится совсем тоскливо. Днем хоть свет есть, и люди звонят бодрее.

Света много. Солнце бьет в не зашторенное окно, шторы Глеб снял год назад, когда понял, что все равно их не закрывает. Пыль пляшет в солнечных лучах, садится на мониторы, на стол, на клавиатуру. На столе бардак, но не рабочий, а личный. В компьютере вся информация: адреса, статусы вызовов, диспетчерские журналы, база ремонтников. На мониторах открытые окна с картой города, списком активных заявок и чатом со сменщиками. А стикеры на столе — это для Глеба. На одном написано «позвонить риэлтору», висит уже полгода, риэлтор давно забыл, кто такой Глеб. На другом — «купить корм» (у него нет кота, это он сам себе, чтобы не забыть поесть). На третьем, самом старом и пожелтевшем, — «не ори на клиентов». Глеб написал его в первый месяц работы, после того как сорвался на женщину, которая двадцать минут жаловалась на жизнь, пока ремонтник уже открывал дверь. Тогда он понял, здесь нельзя срываться. Клиенты не виноваты, что они застряли. Виноват лифт. Виновата компания. Виноват Глеб, который не может найти нормальную работу. Но не клиент.

Рядом со стикерами стояла кружка. Кружка старая, с треснутой ручкой и отбитым краем. На дне давно застыл кофе, коричневый налет вперемешку с крошками от печенья. Печенье было вчера. Глеб помнит, потому что вчера была пятница, а сегодня суббота, и у него выходной был только во вторник, но вторник он проспал и ничего не сделал. Кофе он заваривает утром, делает два глотка, потом звонок, потом еще звонок, а к тому моменту, когда появляется свободная минута, кофе превращается в горькую холодную жижу. Пить ее невозможно, но и вылить жалко — надо бы сходить на кухню за новым, а идти лень. И с тапками та же история, в тапках жарко, в одних носках ноги мерзнут, так что он то надевает их, то снимает, и тапки валяются под столом, один носом в стену, другой вверх подошвой.

Он сидит в футболке и спортивных штанах. На футболке пятно от кетчупа — вчера доедал сосиски прямо за столом, пока ждал, когда ремонтник подтвердит закрытие заявки. Третий день не брит, щетина уже не колется, а лежит ровно, темной щеткой. Волосы торчат в разные стороны. Глеб просыпается за десять минут до смены, садится за стол, включает компьютер, и на этом его утренний туалет заканчивается. Зеркало в коридоре он завесил курткой год назад, надоело видеть лицо, которое его раздражает.

В паузах между звонками Глеб выключает звук на втором мониторе, где обычно идет радио. Радио его бесит, каждые два часа один и тот же плейлист, ведущий говорит одни и те же фразы «хорошего настроения» и «отличного дня», и Глебу кажется, что диджей издевается, потому что какой, к черту, отличный день, если ты сидишь в кресле, которое продавилось под твоим весом, и слышишь, как за стенкой сосед снова сверлит перфоратором второй месяц подряд. Лучше тишина. В тишине слышно, как гудит системник, старый, пыльный, с присвистом, как щелкает жесткий диск, как за окном проезжают машины. Тишина хотя бы не врет.

На столе, справа от клавиатуры, лежит маленький скейт. Пальчиковый. Дешевая китайская игрушка, колеса скрипят, дека поцарапана, граффити стерлось. Глеб купил его в переходе метро полгода назад, увидел на лотке, вспомнил, что в детстве хотел такой, но мама говорила «дорого». Теперь ему тридцать четыре, он может купить что хочет, но почему-то покупает только маленькие глупые игрушки и не может заставить себя купить нормальную куртку или сходить к стоматологу. Скейт он катает по столу, когда говорит с застрявшими. Вжик-вжик — туда-сюда, от края столешницы к кружке, от кружки к клавиатуре. Рука чувствует движение колес, легкую вибрацию, которая поднимается по пальцам, по запястью, до самого локтя. Успокаивает. И одновременно бесит, потому что он взрослый мужчина, а катает игрушку, как первоклассник. Он берет скейт, прокручивает на тыльной стороне ладони, ловит на ребро, ставит обратно.

Звонок...

Глеб закатывает глаза так, что видно одни белки. Беззвучно шевелит губами: «Да пошло оно все». Четыре года он говорит эту фразу перед каждым звонком. Четыре года он ненавидит этот звук, этот мигающий значок на экране, эту секунду перед тем, как включить микрофон. На секунду задерживает дыхание. Потом поправляет наушник, улыбается голосом, он научился улыбаться голосом, это важно, клиенты слышат эту улыбку, даже если не видят лица, и говорит:

— Здравствуйте, что у вас случилось?

В наушнике мужской голос. Не напуганный, а злой. Рычащий почти.

— Что случилось? Лифт встал, вот что случилось! Я тут с собакой, она уже полчаса лает, я на кнопки жал — никто не отвечает! Вы где все?!

Глеб открыл базу. Адрес определился автоматически — ЖК «Лесной», лифт №3. В системе уже была заявка, статус «ремонтник назначен, 20 минут». Значит, кто-то из операторов до Глеба уже принял вызов, но мужчина, видимо, не услышал или ему не ответили сразу. Бывает. Люди в панике набирают номер десять раз подряд, попадают на разных операторов и каждый раз начинают сначала.

— Я вас понимаю, — сказал Глеб ровно. — Ремонтник уже едет к вам. Ориентировочно через двадцать минут. Собака — это какая порода? Большая?

— Какая разница?! — заорал мужчина. — Она мечется, я ее удерживаю, у нее когти скользят по полу, она боится темноты, она...

— Вдохните, — перебил Глеб. Спокойно, но твердо. — Просто вдохните. Собака чувствует вашу панику. Если вы будете орать, она будет орать сильнее.

Мужчина замолчал. Глеб услышал, как он дышит тяжело, с присвистом.

— А вы кто такой? — спросил мужчина уже тише. — Психолог?

— Оператор лифтов, — сказал Глеб. — Но я собак люблю. У меня в детстве была овчарка. Она тоже боялась темноты. Начинала выть, если свет выключали. Как зовут вашу?

— Рекс, — буркнул мужчина. — Аааа, вы меня отвлекаете.

— Правильно делаю. Рексу все равно, что вы кричите. Он видит, что папе страшно, и сам боится. А если папа успокоится и сядет на корточки, скажет: «Рекс, сидеть», то и псу станет легче. Попробуйте.

— С ума сошли, — сказал мужчина, но Глеб услышал, как он зашуршал одеждой, видимо, все-таки сел на корточки. — Рекс, сидеть. Сидеть, я сказал!

Собака заскулила, потом лай стих. Глеб выдохнул. Скейт в левой руке катался туда-сюда, но не нервно, а ровно как маятник.

— Молодец, — сказал он мужчине. — Собака умная, слушается. Теперь вы оба сидите тихо, дышите. Ремонтник будет минут через пятнадцать. Я проверю, можно ли ускорить.

Глеб переключился в чат. Написал ремонтнику: «Лесной, лифт №3, мужчина с собакой, нервы на пределе, ускорьтесь». Ремонтник ответил: «Ок, буду через 10». Глеб вернулся к мужчине.

— Ускорили. Десять минут. Вы справитесь.

— Спасибо, — буркнул мужчина. Помолчал, добавил: — Извините, что накричал. Я просто...

— Понимаю. Выдыхайте.

Мужчина засмеялся коротко и нервно.

— Собаке скажите «выдыхай», а не мне.

— И вам тоже, — сказал Глеб. — Вы для собаки — главный. Если вы не выдыхаете, она не выдохнет. Так что дышите вместе.

Они замолчали. Глеб слышал, как мужчина шепчет собаке: «Тише, Рексик, тише, сейчас придут». Скейт в руке катился вжик-вжик.

Через девять минут пришло сообщение: «Открыл». Глеб услышал, как мужчина ахнул, как лязгнула дверь, как собака радостно залаяла уже не от страха, а от облегчения.

— Все, — сказал мужчина. — Открыли. Спасибо вам. Вы... вы молодец.

— Идите, напоите Рекса водой. Всего доброго.

Глеб нажал отбой. Снял наушники на минуту, уши вспотели. Посмотрел на стикер «не ори на клиентов» и усмехнулся. Он не сорвался, даже когда мужчина орал. Четыре года назад он бы, наверное, гаркнул в ответ. А теперь просто переждал, перехватил, успокоил. И собаку заодно.

«А ведь я умею, — подумал он. — Я умею успокаивать других. А себя?»

Мысли снова потянулись к маме, к тому звонку, но Глеб мотнул головой, отгоняя. Не сейчас. Сейчас работа. Он выпил глоток холодного кофе, поморщился, но не вылил. Надел наушники. Звонок. Закатил глаза. «Да пошло оно все». Улыбнулся голосом:

— Здравствуйте, что у вас случилось?

Женский голос, дрожащий.

— Я застряла... в лифте. В ЖК «Березки». Я с ребенком. Ему два года...

Глеб открыл базу. ЖК «Березки», лифт №2. В системе заявка, ремонтник назначен.

— Я вижу ваш вызов, — сказал он. — Ремонтник уже едет. Выдыхайте, я рядом. Скажите, как зовут ребенка?

Женщина всхлипнула.

— Миша...

— Миша молодец. Скажите ему, что дядя в наушниках уже позвал мастера. Скажите, что мастер едет на большой машине...

И дальше все как обычно, колыбельная, ожидание, лязг открывающейся двери. Женщина вышла, даже не сказав «спасибо». Глеб не обиделся, он привык. Просто закрыл заявку и откинулся на спинку кресла.

Перед следующим звонком он сходил на кухню, вылил старый кофе, заварил новый. Сел, сделал глоток. Горячий. Почти вкусный. Скейт лежал на столе. Глеб посмотрел на него, взял, покрутил и положил на место.

Звонок. Он закатил глаза. «Да пошло оно все».

— Здравствуйте, что у вас случилось?

Тишина. Потом спокойный, старый голос:

— Слышно. Я не за этим позвонил. Я звоню, чтобы спасти тебя, Глеб.

Скейт выпал из руки.

Глава 2. Пять лет назад

Иногда, в редкие минуты тишины между звонками, Глеб проваливался в одно и то же воспоминание. Оно приходило без спроса, как сосед с перфоратором — сначала далекое, потом громче, ближе, пока не заполняло все.

Тот день он помнил до секунд. До миллиметров, до запахов, до каждого звука.

Утро началось обычно. Москва за окном гудела, Глеб сидел в своем кабинете главного инженера, пил кофе из чашки, смотрел на чертежи. Стол был большой, чистый, на столе — стакан с ручками, ежедневник в кожаном переплете, фотография мамы в рамке. Она смеялась на той фотографии, запрокинув голову, и Глебу всегда казалось, что сейчас она скажет: «Глебушка, ты чего такой серьезный? Улыбнись». Фотография была старая десятилетней давности, с того лета, когда они ездили на море. Мама загорелая, в широкополой шляпе, с брызгами соли на плечах. Глеб тогда думал, она вечная. Она всегда будет такой смеющейся, живой, сильной. Как он ошибался.

Зазвонил мобильный. Глеб посмотрел на экран «мама». На секунду заколебался. У него было совещание через десять минут, он репетировал презентацию для заказчика, проект был сложный, ответственный, от него зависел бюджет отдела на следующий квартал. Он сидел прямо за своим столом, когда телефон завибрировал, разрывая тишину.

Мама обычно звонила в одно и то же время, по воскресеньям, аккуратно, чтобы не отвлекать. А тут была середина недели. Странно. Глеб покосился на экран, сбросил вызов. Через минуту снова звонок. Снова сбросил. Третий раз и Глеб нахмурился. Мама никогда не звонила три раза подряд. Она была деликатная, боялась помешать.

Он взял трубку, прижал к уху, прикрыл глаза на секунду.

— Мам, привет, что случилось? У меня совещание через десять минут.

Голос мамы был спокойным. Слишком спокойным. Таким спокойным он становился, когда она уже все решила и ничьи слова не могли ее переубедить. Глеб слышал этот голос всего несколько раз в жизни, когда она узнала о смерти своей сестры, и когда закрывала дверь за отцом, уходящим навсегда. Это был голос человека, который стоит на краю и уже не хочет, чтобы его оттуда вытаскивали.

— Глеб, я не справляюсь, — сказала она. — Прости.

Сердце кольнуло. Глеб отложил ручку, выпрямился.

— Что значит «не справляюсь»? С чем? Ты о чем?

Пауза. Он слышал, как она дышит ровно, слишком ровно, как будто готовится.

— Просто... я устала, Глебушка. Очень устала. Таблетки не помогают, врачи говорят «лечитесь», а я не хочу лечиться. Я хочу, чтобы все кончилось.

— Мам, прекрати, — сказал Глеб, и голос его стал жестче, чем он хотел. — Ты что, серьезно? Какие таблетки? Ты мне не говорила про таблетки.

— Не хотела тревожить. У тебя работа, у тебя жизнь. Ты такой занятой всегда. Я думала, справлюсь сама.

— Ты с ума сошла? — Глеб почувствовал, как злость поднимается внутри, злость от страха, от беспомощности. — Я приеду, как только будет возможность. Поговорим. Ты не смей ничего делать, слышишь? А вечером обязательно позвоню.

— Хорошо, — тихо сказала мама. — Я буду ждать.

— Все будет хорошо, мам. Я позвоню вечером.

Он нажал отбой, положил телефон на стол. Посмотрел на чертежи перед собой, на презентацию, которую нужно было доделать. В голове гудел мамин голос, но Глеб мотнул головой, сжал ручку и заставил себя сосредоточиться. Через десять минут у него было совещание, начальник ждал, нельзя подвести отдел, нельзя показать слабость.

Он встал, взял папку, пошел в переговорную. Совещание длилось два часа. Начальник задавал вопросы, Глеб отвечал, показывал слайды, спорил о деталях. Обещал, что завтра все будет на высшем уровне. Начальник кивнул, одобрил, отпустил.

Вернувшись в кабинет, Глеб достал телефон. Хотел позвонить маме, как обещал. Но на столе лежали правки к презентации, завтрашний день решал все. «Позвоню утром, — подумал он. — Скажу, что все хорошо, постараюсь приехать на выходных». Он сел за стол, открыл слайды и проработал до глубокой ночи. Так и не позвонил.

Он не знал, что в тот вечер, пока он сидел над чертежами, мама открыла газ. Тетя Валя, соседка, почувствовала запах, вызвала скорую и полицию. Было уже поздно. Никто не смог до него дозвониться, Глеб отключил звук на телефоне, чтобы не отвлекаться.

Вторник, утро. Презентация для заказчика. Глеб встал, надел костюм, взял папку. Он чувствовал себя уверенно, проект был отточен до мелочей, цифры сходились, графики красивые. Он шел по коридору, улыбался коллегам, зашел в переговорную. Заказчики уже сидели.

Он не знал, что его телефон разрывается от пропущенных, пятнадцать звонков, сообщения, голосовая почта. Он не слышал ни одного. Работа была важнее. Четыре часа презентации. Вопросы сыпались, заказчики спорили, экономисты требовали корректировки бюджета. Глеб отвечал, улыбался, убеждал. И ни одна мысль о маме не пришла ему в голову. Закончили только к двум часам дня. Заказчик пожал руку, похвалил, подписал все бумаги. Глеб вышел из переговорной, чувствуя пустоту и легкое головокружение, казалось бессонная ночь.

Он сел за стол, взял телефон. Пятнадцать пропущенных. Сообщения: «Глеб, перезвони», «Срочно», «Случилось горе». Сердце ухнуло вниз. Он нажал на номер тети Вали. Гудок, второй, третий, наконец она взяла трубку.

— Глеб, сынок... Мама твоя ушла. Вчера, Глеб. Скорая не успела. Мы звонили тебе, но ты не отвечал...

Он смотрел на стол. На фотографию мамы, на чертежи, на телефон. Вчера она звонила. Она сказала: «Я хочу, чтобы все кончилось». А он сказал: «Я позвоню». И не позвонил. Он сидел здесь, правил слайды, репетировал речь, думал о работе. А она умирала одна, ждала его звонка, который так и не прозвучал.

— Теть Валь, — спросил он, и голос его был чужим, — когда похороны?

— В пятницу, Глеб. В пятницу.

Глеб встал, пошел к начальнику. Зашел без стука.

— Мама умерла, — сказал он. — Похороны в пятницу. Мне нужно в Саратов. Я беру отпуск за свой счет.

Начальник поднял на него глаза. Помолчал. Взял ручку, покрутил.

— Глеб, я понимаю твое горе. Но завтра финальная часть презентации для заказчика. Ты — ведущий специалист по этому проекту. Если ты уедешь сейчас, мы потеряем контракт. Я не могу тебя отпустить до завтрашнего вечера. Проведи завтра, а потом хоть на неделю уезжай.

Глеб смотрел на него. Хотел сказать: «Нет, я уезжаю сейчас, мне плевать на проект». Но не сказал. Внутри сработала привычка, работа важнее, нельзя подвести.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра проведу финальную часть. Вечером улечу. — Он вернулся за стол и снова открыл чертежи. Внутри было пусто. Слезы не шли. Только пустота.

Среда, утро. Финальная часть презентации. Заказчик пришел с уточнениями, Глеб правил цифры, распечатывал новые версии. Он смотрел на часы, считал минуты до вылета. В 20:45 последний рейс. Он должен успеть. Они закончили в половине седьмого. Глеб сорвался, поймал такси. Пробки. Авария на МКАД. Он приехал в аэропорт за десять минут до конца регистрации. Пролетел через стойки, сдал багаж, получил посадочный. Забежал в самолет, когда стюардессы уже закрывали двери.

Самолет взлетел в 20:45. Глеб сидел у окна, смотрел на огни Москвы, которые удалялись, и думал о маме. Она ждала его звонка в понедельник. Она сказала: «Я хочу, чтобы все кончилось». А он сказал: «Я позвоню». И не позвонил. Он успел на самолет. Но не успел к ней.

Самолет приземлился в Саратове поздно вечером. Глеб сразу поехал в мамин дом. Открыл дверь своими ключами. Пахло мамой — духами, старыми книгами, чем-то теплым и родным. На столе лежала записка, сложенная вчетверо. Он развернул, ее почерк, крупный, с наклоном:

«Глебушка, прости, что я слабая. Ты у меня сильный. Не будь таким, как я. Не молчи. Я тебя люблю».

Он сжал записку в кулаке, сунул в карман. Просидел в квартире до вечера, не двигаясь. Слез не было.

В пятницу утром он пришел на кладбище. Похороны прошли, как положено. Глеб стоял у могилы, глядя на фотографию мамы. Она улыбалась ему, живая, смеющаяся, и он не мог поверить, что этой улыбки больше нет. Люди подходили, говорили слова. Глеб кивал, отвечал «спасибо», но не слышал. Внутри была пустота. Такая большая, что слезы просто не помещались.

Он остался в Саратове до воскресенья. Сидел в пустой квартире, смотрел на мамини вещи, на книги, на старые фотографии. Взял с собой несколько книг, ее фото и больше ничего.

В понедельник утром он вернулся в Москву. Зашел в офис, сел за стол. На столе лежала записка от начальника: «Зайдите ко мне, Глеб».

В кабинете начальник сидел, крутил ручку, не смотрел в глаза.

— Глеб, — сказал он. — Мы приняли решение. Проект передается другому специалисту. Ты отлично провел презентацию, но на финальной стадии нужен человек, который будет здесь постоянно. Ты отсутствовал три дня и не выходил на связь. Мы не могли ждать. Работа есть работа.

Глеб смотрел на него и не чувствовал ничего. Зачем что-то говорить? Зачем спорить? Мама умерла, он не позвонил, работа оказалась важнее, но работу у него отобрали. Он проиграл все.

— Я понимаю, — сказал он.

— Ты не обижайся, Глеб. Личное не должно мешать работе, будет другой проект, и ты его возглавишь.

— Я не обижаюсь, — сказал Глеб. — Я увольняюсь.

Он собрал вещи в коробку — фотографию мамы, ежедневник, несколько ручек. Вышел из офиса. В лифте смотрел на цифры, которые прыгали с этажа на этаж, и думал: «Шесть лет я жил этой работой. И что в итоге?»

Квартиру в Саратове он продал через полгода и купил маленькую студию за МКАДом. Искал работу по специальности пять месяцев и не нашел. Устроился в диспетчерскую лифтовой компании «Вверх». Сначала думал, временно. Потом привык.

И вот уже четыре года он сидит в этой студии, принимает звонки, говорит «выдыхайте, я рядом» и катает скейт по столу. А внутри все та же пустота.

— Прости, мам, — сказал он тихо.

За окном темнело. Глеб сидел в полумраке, сжимая скейт, и ждал следующего звонка.

Глава 3. Чехова, 17

После того звонка Глеб не мог работать. Рука дрожала, скейт выскальзывал из пальцев, и он дважды переспрашивал у клиентов адрес, хотя обычно запоминал с первого раза. Он смотрел на часы, считал минуты до конца смены, но время тянулось, как резина. К счастью, звонков было немного, ночь на субботу, люди спят, лифты ломаются реже. Только одна женщина

застряла в ЖК «Лесной», и Глеб успокоил ее за пять минут, почти не слушая, что она говорит. В голове крутился голос старика: «Я звоню, чтобы спасти тебя, Глеб».

В шесть утра, когда смена закончилась, Глеб выключил компьютер, снял наушники и долго сидел в тишине, глядя на пыльный монитор. За окном начинало светать, где-то пели птицы, а он все сидел и крутил в пальцах скейт, сжимал его, перебирал колеса.

Старик сказал: «Позвонишь мне, когда будешь готов ответить честно».

Но как позвонить, если нет номера?

Глеб открыл журнал вызовов, обычную таблицу в корпоративной программе. Время, адрес, статус, имя оператора. Звонок старика был. Глеб помнил, что принял его в 2:37 ночи, потому что как раз посмотрел на часы после той женщины, которая никак не могла успокоиться. Он нашел эту строку. В графе «адрес» стояло: «ул. Чехова, 17, лифт №2». В графе «статус» — «закрыт, ремонтник на месте». В графе «имя звонящего» — пусто. Система не зафиксировала номер телефона. Так иногда, бывало, при сбоях, но Глеб за четыре года видел такое раза три, не больше.

Чехова, 17. Он знал этот дом. Старая пятиэтажка в центре, еще довоенная, с лепниной на фасаде и лифтами, которые помнили, наверное, самого Чехова — шутка, конечно, но лифты там действительно были древние, с круглыми кнопками и металлическими дверями, которые открывались наружу. Глеб бывал в этом доме один раз, много лет назад, когда мама работала уборщицей в управляющей компании, которая находилась на первом этаже. Ему тогда было лет семь, он пришел к ней после школы, потому что потерял ключи, и ждал в коридоре на шатком стуле, пока она закончит смену. Пахло там хлоркой, старой краской и чем-то сладким из столовой по соседству. Мама вышла уставшая, в синем халате, и сказала: «Пойдем, Глебушка, я куплю тебе пирожок». Это было последнее воспоминание, где она улыбалась по-настоящему.

Он не знал, зачем едет туда. Может быть, чтобы найти старика. Может быть, чтобы убедиться, что ему не показалось. А может быть, просто чтобы выйти из дома, потому что за четыре года работа из квартиры превратилась в тюрьму, и он выходил на улицу только в магазин за дошираком и печеньем.

Глеб поспал часа три, не больше, сон не шел, в голове крутился голос старика. Встал, надел джинсы, единственные, которые еще не протерлись на коленях, флисовую кофту, потому что на улице было холодно, и кроссовки, которые не мыл года два. В карман положил скейт. Зачем? На всякий случай.

Чехова, 17 оказалась в десяти минутах на автобусе. Глеб не был в центре давно, и город показался ему чужим. Те же улицы, те же дома, но будто кто-то прибавил контрастность, слишком ярко, слишком шумно, слишком много людей, которые куда-то идут, что-то покупают, о чем-то говорят по телефонам. Глеб шел, опустив голову, и чувствовал себя занозой в этом живом теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.